Независимая газ. – 2001. – 15 июня. – с. 9-10

ИНФАНТЕРРИБЕЛЬНО

Михаил Ефремов, сын своего отца

Актер и режиссер **Михаил Ефремов** за минувший год, после смерти отца, мало «светился». Прошлой осенью вышел на экран телефильм «Граница», где он снялся в одной из ролей. В «Современнике» он сыграл Соленого в спектакле **Галины Волчек** «Три сестры», а к юбилею театра поставил спектакль «Еще раз о голом короле» по пьесе **Леонида Филатова** (см. «НГ» от 17.04.01). Наш разговор состоялся в «Современнике» за несколько часов до начала очередных «Трех сестер».

Григорий Заславский

МИХАИЛ! В течение прошедшего года не раз могло показаться, что вы ушли под воду. Чем вы занимались?

– Я и до этого мало где появлялся... Может быть, круг общения сменился. Знаете, как у Станиславского: большой круг внимания – малый круг внимания. Был большой – стал малый. Театр же «Современник» поменьше, чем некоторые другие...

– Кажется, для вас всегда важна своя команда. Группа актеров работала вместе с вами во МХАТе. Есть ли желание организовать что-то вроде «Современника-2» сегодня?

– Мой однокурсник **Михаил Горевой**, который работал в «Современнике-2», сейчас ставит третий спектакль, там играет практически 50% артистов, вышедших из «Современника-2», я очень рад, что там занят во всех спектаклях и хорошо играет замечательный артист **Сергей Шеховцов**.

– Но вас там нет...

– Меня там нет, потому что в моей жизни возник «Современник», роль Соленого в «Трех сестрах», пьеса Леонида Филатова. Мне показалось, что это важнее.

– Возможно ли, что театр «Современник» станет для вас домом на долгое время?

– «Современник» – дом на все времена. В этом монастыре мне абсолютно понятен устав, мне здесь комфортно, поскольку во мне есть эмоциональная революционная нервная нитка, она живет в моем тщедушном теле... Я с удовольствием здесь сыграю, если получится, в спектакле у **Димы Жамойды**. Надолго не хочу загадывать. У меня у самого есть идеи: немного, но штук шесть есть.

– Будут ли иметь продолжение ваши опыты в опере?

– Это интересно, но должны возникнуть соответствующие предлагаемые обстоятельства. Предлагаемые обстоятельства – самое главное в театре. Когда они возникали в связи с той или другой пьесой, я ее ставил... А если делал что-то сам, так это – по молодости лет. В последнее время – нет. Хотя с пьесой Леонида Филатова был как раз такой – самостоятельный – посыл. Я испытываю великую благодарность Галине Борисовне Волчек, которая взяла меня под крыло в сложный период моей жизни. В тяжелое время. Умер отец. Все стало непонятно... Я снимался в фильме «Марцефаль» в Питере. Этот фильм снимался года два, даже три, и сейчас только заканчивается работа... А я не привык делить жизнь между театром и кино, заниматься тем и другим одновременно. Но сейчас главная для меня – дочка, которой семь месяцев. Надо решить бытовые проблемы. Думаю, что летом я буду решать такие проблемы – бытия и быта. А потом с осени что-нибудь сделаю... С Жамойдой поработаю.

– С Дмитрием Жамойдой вы работаете как актер?

– Да. Не знаю, примет ли эту его работу Галина Борисовна, в конце июля мы хотим показать ей какой-то этап. **Александр Гетман** написал инсценировку «Дуэли» Чехова. Написал бережно. Пару раз мы уже встречались.

– Можете ли вы сказать, что сама фамилия помогала вам в жизни? В том смысле, что год, который прошел после смерти Олега Николаевича, дал понять еще и то, что исчезла защита, что была стена и она вдруг растворилась?

– Это была не защита... Да она и есть... Олег Николаевич – такая личность огромная, что... Восемь дней, что мы ждали похорон, он вырастал и вырастал до огромных размеров. Что-то узнаешь и понимаешь после смерти, и чем больше узнаешь, тем, посовременному говоря, круче он становится. По всем человеческим и художественным категориям.

– Лично вам стало жить тяжелее? В жизни и, как говорится, в искусстве?

– В искусстве – не знаю. Во всем тяжелее. Да и было не легко. Жить вообще тяжело, если занимаешься искусством или пытаешься думать о чем-то. Это естественно: теперь я не молод.

– Всегда, кажется, бытовало мнение, что Михаил Ефремов – enfant terrible, как и вся команда, которая его окружает...

– Может, и было такое ощущение, хотя есть и другие enfant terrible – отец Иоанн Ташкентский – **Охлобыстин** или **Федор Бондарчук**. Это все вы создаете, журналисты. Ну, поставил я, например, хулиганский спектакль, а сразу пишут, что я или кто-то другой – enfant terrible... А какой я enfant terrible? Такое время хулиганское было, а против времени трудно выступать.

– Но время уже другое, а вы ставите спектакль «Еще раз о голом короле». Он ведь по-своему хулиганский?

– Естественно, такая пьеса. У меня с этим спектаклем связаны самые радостные события. Я встретился и близко познакомился с Леонидом Филатовым. Это дорогого стоит. Снова рядом оказались Никита Высоцкий и Женя Митта. Все шло путем. Были, конечно, проблемы, но выпуск шел достаточно быстро – мы работали всего два месяца, – так что зацикливаться на проблемах времени не нашлось. У нас практически не было «застольного» периода. Неделю почитали и потом уже 7 недель на ногах «ходили», искали, чем будем удивлять. Может, что-то сделать не успели. Сейчас ребята играют лучше.

– Сейчас вы живете в квартире Олега Николаевича. Вы ведь раньше не жили там?

– Раньше иногда ночевал. Я знаю эту квартиру, знаю и другие квартиры Олега Николаевича. Эта квартира всегда больше напоминала берлогу. Я помню шикарную, огромную комнату на Староконюшенном переулке, я помню нашу квартиру на «Аэропорте», потом – две квартиры у Никитских ворот, где сейчас живет мама.

– Вы оставили все как было или что-то поменяли?

– Конечно, поменяли. Оставили только кухню. У нас ребенок родился, надо было обустраивать детскую комнату. Но вообще мало что трогали, ничего особо не переставляли. Время должно пройти.

– Мемориальную квартиру не стали оставлять?

– Нет, как и не стали оставлять мемориального кабинета.

– А где сейчас все то, что составляло «начинку» ефремовского кабинета?

– Наверное, в театре. Со мной вообще не было разговоров. Но вы же сказали, что я enfant terrible. А с сестрой как-то странно разговаривают.

Ефремов грустен, как Соленый.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

– Сохранились ли бумаги, что-то еще, что может стать основой для сбора художественного наследия?

– Сестра, с моей посильной помощью, пытается сделать сейчас «Дом Ефремова». Она разговаривала с **Михаилом Сергеевичем Горбачевым**, с **Егором Яковлевым**, по-моему, и с **Олегом Павловичем Табаковым**. Надо понять, какое наследие осталось, хотя целиком сегодня этого не понять. С каждым годом будет приходить понимание. Ефремов открыл на театре то, что назвали новой правдой. Новая правда сценического, да и человеческого существования: интеллигентность, социальность, гражданственность, честность. Как сказал **Парфенов** в своей передаче на НТВ, когда умер Олег Николаевич, что если можно представить социализм с человеческим лицом, то это было лицо Ефремова.

– Вы не будете писать о своей жизни, о Ефремове, о том, как вы играли в его спектаклях?

– Я не умею писать. Олег Николаевич своим детям, мне и сестре моей Насте, говорил разные вещи. Мне он говорил, что я должен играть, а не ставить. Я сказал ему, что мне интересно этим заниматься. Он ответил: «Ну, интересно, ладно...» А Насте он все время говорил: «Писать». Пусть она пишет.

– Получается, он не слишком хвалил то, что вы делаете как режиссер. Но вы все равно ставите спектакли...

– Несколько похвал было. Сначала после спектакля «Тень» он сказал, что я понимаю, что такое атмосфера. Спектакль «Злодейка» ему не сильно не нравился. Ему пьеса понравилась.

Но писать я не умею. Я буду пользоваться избитыми клише. Я плохо писал сочинения в школе, на выпускном экзамене у нас была тема: «Всего одна страница, но незабываемая». Про «Малую землю» Брежнева. Я помню, там моих было два предложения. А в остальном – переписанный план «Малой земли». Написал без ошибок. Поставили пятерку.

– После похорон Олега Николаевича вы бывали во МХАТе?

– Да, бывал, смотрел два спектакля. У меня есть, может быть, личная эмоциональная неприязнь к каким-то людям из дирекции театра, но ко МХАТу и к Олегу Павловичу тем более – нет. Только безумное желание, чтобы у него все получилось. Было все лучше и лучше.

– Не жалко, что сходят с афиши ваши спектакли?

– Это естественно. Какие-то артисты не работают больше, какие-то не хотят играть. Разные причины. Репертуарная политика – одна из основных в театральном деле. Конечно, надо начинать с этого. Я думаю, что через год мы увидим достаточно определенно, как она изменилась. «Кабала святош» – это уже серьезно.

– А «Злодейка, или Крик дельфина» сошла со смертью Шкаликова?

– Да, со смертью Сережи. Была идея года через два сделать спектакль несколько в другом составе. Но... Если я и стану это делать, не думаю, что это будет во МХАТе. Пьеса-то замечательная. Но если делать «Злодейку», то нужно делать еще пьесы три. Такая затея требует определенного масштаба. Творческого посыла хватит спектакля на четыре.

– Какие?

– Не знаю. Например, у меня есть замечательная детская сказка Александра Всеволодовича Кузнецова «Не считай ворон». Есть старинная, 15-летней давности затея поставить «Шарманку» Платонова. Всяческие есть затеи...

– Почему на юбилей «Современника» взялись ставить пьесу Леонида Филатова, а не самого Евгения Шварца?

– Сначала возникла пьеса Шварца: все лето, пока я снимался в фильме **Александра Наумовича Митты** в Калужской области, я провел с пьесой Шварца, всюду брал ее с собой. И Никита Высоцкий, и Женя Митта тоже работали с этой пьесой. В конце лета мы поняли, что очень трудно нам будет в наше чудовищное время делать пьесу Шварца, с ее светлой печалью. Мы пришли к Галине Борисовне и сказали, что хорошо бы, чтобы была написана новая пьеса. Тот спектакль никуда все равно не денется, сохранилась легенда, да к тому же он снят на пленку, но хорошо бы появилась пьеса как «Голый король». Стали перебирать писателей. Галина Борисовна сказала: «Задорнов», а я сразу назвал Филатова, поскольку Задорнов, Филатов, Кочан составляли тогда для меня общее целое. Они же вместе выступают. Они настоящие друзья. Она взяла трубку и позвонила Леониду Алексеевичу. На следующий день мы с Женей Миттой поехали к нему, а дня через три – с Никитой Высоцким. Периодически общались, пока шла работа. Но пьеса получилась совсем капустная. Тогда Леонид Алексеевич решил написать дайджест по «Голому королю». Идея простая: 14-летний мальчик прочел пьесу Шварца и пересказывает своим языком. Начали думать – в основном, естественно, думал Филатов, а мы приезжали к нему, трепались. Но меня поразило, что весь наш треп так или иначе вошел в пьесу. Потом стали думать про философему пьесы. Ну, голый король. Он идет, все над ним смеются. Так у Андерсена заканчивается, так – у Шварца. А мы от мысли, что женщина жалеет значит любит, пришли к тому, что принцесса должна пожалеть короля, потом полюбить. С чего ей любить свинопаса? Это у нее просто такой молодежный фасон сначала, а потом уже она видит, что такое настоящая любовь. Его все обижают, и вот она его за муки полюбила.

– Не было ли трудностей в работе с этим текстом? Ведь до сих пор все попытки поставить филатовские замечательные пьесы оканчивались неудачей?

(Окончание на стр. 10)